

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
23 August 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2862/2016* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Олегом Агеевым
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Беларусь
<i>Дата сообщения:</i>	19 августа 2016 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 22 ноября 2016 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	15 июля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	ограничение свободы выражения мнений адвоката защиты; допустимые ограничения свободы выражения мнений; справедливое судебное разбирательство
<i>Процедурные вопросы:</i>	степень обоснованности утверждений
<i>Вопросы существа:</i>	свобода выражения мнений; гарантии справедливого судебного разбирательства
<i>Статьи Пакта:</i>	14 (пункты 1, 2, 3 а)–b) и d)) и 19
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2

1. Автором сообщения является гражданин Беларуси Олег Агеев 1977 года рождения. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права по пунктам 1, 2, 3 а)–b) и d) статьи 14 и пункту 2 статьи 19 Пакта. Факультативный

* Принято Комитетом на его сто тридцать второй сессии (28 июня — 23 июля 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Данкан Лаки Мухумуза, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентриан Зюбери.

*** Особое мнение члена Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша (частично несогласное) содержится в приложении к настоящим Соображениям.

протокол вступил в силу для государства-участника 30 декабря 1992 года. Автор не представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 С 2004 года по 14 февраля 2011 года автор работал адвокатом в составе Минской городской коллегии адвокатов.

2.2 Автор 20 декабря 2010 года принял на себя защиту Алеся Михалевича, экс-кандидата в президенты Республики Беларусь на выборах, состоявшихся 19 декабря 2010 года. Г-н Михалевич был арестован на следующий день после выборов и доставлен в следственный изолятор Комитета государственной безопасности (СИЗО КГБ) Республики Беларусь по обвинению в организации массовых беспорядков и митинга протеста против результатов выборов, состоявшегося 19 декабря 2010 года. В следственном изоляторе г-ну Михалевичу и другим задержанным отказывали во врачебной помощи, и существовали сбои в получении ими передач от родственников, к ним не допускали адвокатов и в их отношении применялись пытки.

2.3 Комментарии автора относительно порядка приема передач в СИЗО КГБ были опубликованы 23 декабря 2010 года интернет-источником euroadio.by, сообщившим о том, что следователь по делу г-на Михалевича удивлен, что в СИЗО не принимают передачи. Согласно опубликованному сообщению, в течение первых трех дней нахождения г-на Михалевича в СИЗО передачи для него не принимались¹.

2.4 На веб-странице Министерства юстиции 29 декабря 2010 года было опубликовано заявление о нарушениях закона Республики Беларусь «Об адвокатуре». В заявлении утверждалось: «Отдельные адвокаты, осуществляющие защиту лиц, участвовавших 19–20 декабря 2010 года в совершении действий, направленных на организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся попыткой захвата государственных учреждений, уничтожением имущества, вооруженным сопротивлением представителям власти, допускают грубые нарушения Правил профессиональной этики адвоката, действующего законодательства, в том числе Закона Республики Беларусь “Об адвокатуре”. В частности, некоторые адвокаты, злоупотребляя своим правом на защиту иных лиц, в искаженном свете подают информацию о ходе следствия и возможности реализации прав своих подзащитных на юридическую помощь, состоянии их здоровья и условиях содержания, тенденциозно подают информацию о работе правоохранительных органов страны».

2.5 Министерство юстиции 5 января 2011 года вынесло автору предписание, отметив, что, согласно информации, распространенной euroadio.by 23 декабря 2010 года, автор в некорректной форме отозвался об организации работы СИЗО КГБ и что его высказывания выходят за пределы, определенные задачами адвокатуры и положениями закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» и противоречат правилам профессиональной этики адвоката. Руководствуясь пунктом 75 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, Министерство юстиции предписало автору принять меры по недопущению фактов искажения информации, предоставляемой средствам массовой информации, и уведомить о принятых мерах в срок до 15 января 2011 года. В соответствии с пунктом 76 вышеупомянутого Положения, при неисполнении предписания действие выданной автору лицензии на осуществление адвокатской деятельности приостанавливается.

2.6 Во исполнение предписания 13 января 2011 года автор направил главному редактору euroadio.by письмо с просьбой не публиковать информацию со ссылкой на автора без его согласия. В тот же день автор уведомил об этом Министерство юстиции.

2.7 С 14 января по 14 февраля 2011 года по представлению Комитета государственной безопасности была создана рабочая группа Министерства юстиции,

¹ Заявление автора о том, что обычно в СИЗО КГБ посылки принимаются по понедельникам, средам и пятницам, но, возможно, порядок поменялся, и передачи принимают уже каждый день, также было опубликовано в информационном сообщении.

которая провела проверку деятельности адвокатов Минской городской коллегии адвокатов на предмет соблюдения законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность. В ходе этой проверки в юридической консультации автора был изъят ряд договоров с клиентами.

2.8 Заседание Квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности состоялось 14 февраля 2011 года. Комиссия вынесла заключение о том, что действие лицензии автора на осуществление адвокатской деятельности подлежит прекращению, поскольку в течение менее чем 12 месяцев с момента вынесения ему предписания от 5 января 2011 года автор совершил проступок, несовместимый со званием адвоката. В тот же день Министр юстиции подписал постановление о прекращении действия адвокатской лицензии автора.

2.9 Автор узнал об этом решении только 17 февраля 2011 года, когда ему было вручено уведомление о прекращении действия его лицензии.

2.10 Автор обжаловал постановление Министерства юстиции о прекращении действия его лицензии на осуществление адвокатской деятельности в суд Московского района города Минска, заявив, что его право на свободу выражения мнений было нарушено, и утверждая, что наказание за добросовестное выражение мнения, которое было сделано в интересах его клиента и для удовлетворения общественного интереса к проблеме содержания в условиях предварительного заключения, было неправомерным. 26 апреля 2011 года суд вынес решение об отказе в удовлетворении жалобы. 29 июня 2011 года автор обжаловал это решение в кассационном порядке в Минский городской суд, который отказал в удовлетворении кассационной жалобы 28 ноября 2011 года.

2.11 Автор добавляет, что в своих заключительных замечаниях 1997 года относительно Беларуси Комитет по правам человека выразил свою обеспокоенность наличием у Министерства юстиции полномочий на лицензирование адвокатов, что подрывает принцип независимости адвокатов. Государству-участнику было предложено принять все надлежащие меры для обеспечения независимости судей и адвокатов от любого политического и иного внешнего давления, однако оно не предприняло таких мер. Напротив, в 2011 году Министерство юстиции использовало свои полномочия лицензирующего органа таким образом, что это было равносильно вмешательству в профессиональную деятельность и репрессиям против отдельных адвокатов и наступлению государства на независимость адвокатуры Беларуси в целом.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что были нарушены его права, предусмотренные пунктами 1, 2, 3 а)–b) и d) статьи 14 и пунктом 2 статьи 19 Пакта.

3.2 Он утверждает, что его право на свободу выражения мнений было необоснованно ограничено вследствие запрета заниматься профессиональной деятельностью и наложения на него санкций за выражение мнения. Автор утверждает, что свобода выражения мнений играет важную роль для адвокатов, поскольку она позволяет им высказываться публично о проблемах, представляющих общественный интерес. Основные принципы, касающиеся роли юристов, указывают на право юристов на свободу выражения мнения, в частности на право принимать участие в общественных дискуссиях по вопросам, касающимся права, отправления правосудия и поощрения и защиты прав человека, а также обязанность всегда руководствоваться законом и профессиональной этикой юриста. В своем замечании общего порядка № 34 (2011) Комитет по правам человека отметил, что ограничения права на свободу выражения мнений допустимы только при особых условиях, изложенных в пункте 3 статьи 19 Пакта. Более того, любые ограничения права на свободу выражения мнений должны быть предусмотрены законом и строго соответствовать принципам необходимости и соразмерности.

3.3 Автор утверждает, что Министерство юстиции обосновало применение санкции против него:

а) нормой статьи 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре», согласно которой «Адвокат при осуществлении своей профессиональной деятельности пользуется свободой слова в устной и письменной формах в пределах, определенных задачами адвокатуры и положениями настоящего Закона»;

б) положениями пунктов 3 и 9 Правил профессиональной этики адвоката, согласно которым «Адвокат должен соблюдать законодательство и придерживаться норм профессиональной морали, постоянно поддерживая честь и достоинство своей профессии в качестве участника отправления правосудия и общественного деятеля, а также личные честь и достоинство». «Профессиональные обязанности по защите законных прав и интересов клиентов адвокат исполняет свободно и самостоятельно, достойно и тактично, честно, прилежно и конфиденциально, без какого бы то ни было вмешательства или давления извне».

3.4 Автор отмечает, что ничто в вышеупомянутых положениях не требует от адвоката воздерживаться от публичных заявлений, если они не противоречат правилам профессиональной этики. Он отмечает, что ничто в его высказывании не свидетельствует о нарушении правил профессиональной этики.

3.5 Таким образом, автор утверждает, что применение к нему санкции за сделанное высказывание не было обусловлено ни одним из положений пункта 3 статьи 19 Пакта, иными словами, оно не было необходимо для защиты прав и репутации других лиц или для содействия обеспечению национальной безопасности и общественного порядка или защите здоровья или нравственности населения. Соответственно, его право на свободу выражения мнений было ограничено неправомерно.

3.6 Автор далее утверждает, что статья 14 применяется к разбирательствам, связанным с прекращением действия лицензии адвоката. Право на занятие адвокатской деятельностью является частным по своей природе и основанным на частном договоре об оказании юридической помощи между адвокатом и представляемым лицом. Пункт 1 статьи 14 Пакта охватывает вопросы лишения права на защиту. Автор указывает на аналогичный подход к характеру профессии адвоката, который был принят Европейским судом по правам человека в делах *H. v Belgium* (30 ноября 1987 года) и *Buzescu v. Romania* (24 мая 2005 года).

3.7 Автор добавляет, что на международном уровне установлены специальные гарантии для юристов, выполняющих свои функции. Основные принципы, касающиеся роли юристов, предусматривают, что все обвинения в отношении юристов, выступающих в своем профессиональном качестве, подлежат объективному рассмотрению в соответствии с надлежащей процедурой независимым органом или судом. Международный суд трактует понятие надлежащей процедуры как процесс, проводимый в соответствии с правом на справедливое судебное разбирательство, закрепленным в статье 14 Пакта и статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека). В ходе такого процесса адвокаты должны быть уведомлены о характере и основании предъявленных им обвинений; у адвокатов и их представителей должно быть достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и изложения своей позиции; они должны иметь возможность оспорить утверждения и доказательства своей виновности, в том числе посредством вызова и допроса свидетелей.

3.8 В законодательстве государства-участника на момент рассматриваемых событий существовали нормы, согласно которым вопрос о нарушении Правил профессиональной этики адвоката должен быть передан на рассмотрение соответствующему регулирующему органу — Президиуму Минской городской коллегии адвокатов, который уполномочен возбуждать и рассматривать дела о дисциплинарной ответственности (см. статью 21 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» и постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 10 марта 2009 года № 23 «О некоторых вопросах применения к адвокатам мер дисциплинарной ответственности»). Эти нормы предусматривают рассмотрение обвинений против адвоката независимым органом с соблюдением определенных процессуальных гарантий справедливости, включая участие адвоката в разбирательстве.

3.9 Однако вопреки гарантиям, предусмотренным пунктами 1 и 3 статьи 14 Пакта, дело автора было рассмотрено Квалификационной комиссией Министерства юстиции, которая не является независимым органом. Квалификационную комиссию возглавлял заместитель Министра юстиции, а большинство ее членов являлось работниками органов исполнительной власти (семь человек — сотрудники Министерства юстиции, двое — судьи, один человек — сотрудник государственного университета, один — сотрудник Министерства внутренних дел, один — представитель парламента, и только шесть членов Комиссии были адвокатами). Во время рассмотрения дела автора 14 февраля 2011 года присутствовали только четыре из шести адвокатов. Двое адвокатов не смогли присутствовать, так как были уведомлены о заседании Комиссии только за час до его начала. Квалификационная комиссия не истребовала из Минской городской коллегии адвокатов никаких разъяснений относительно автора. Автор указывает, что руководитель Минской городской коллегии адвокатов был исключен из состава Квалификационной комиссии 18 февраля 2011 года за то, что он сделал публичное заявление в средствах массовой информации в защиту адвокатов, лишенных лицензии 14 февраля 2011 года.

3.10 Автор не был уведомлен о выдвинутых против него обвинениях и узнал о них только после того, как Квалификационная комиссия приняла решение о прекращении действия его лицензии, и не был приглашен на заседание Комиссии. Таким образом, разбирательство проходило в его отсутствие, и он был лишен возможности подготовить и осуществить свою защиту, оспорить обвинения и состав Квалификационной комиссии, а также заявить отводы трем членам Комиссии, представляющим Министерство юстиции, которые принимали непосредственное участие в рассмотрении его дела. Автор утверждает, что эти упущения представляют собой нарушение его прав по пункту 1 и пункту 3) а)–b) и d) статьи 14 Пакта.

3.11 В данном деле Министерство юстиции применило законодательство, противоречащее Пакту, а именно положение «О лицензировании отдельных видов деятельности», позволяющее осуществлять всеобъемлющий контроль за деятельностью адвокатов, включая получение любой информации, касающейся адвокатской деятельности, за непредоставление которой установлена ответственность. Оно наделяет Министерство полномочием применять в отношении адвоката санкции, вплоть до лишения адвокатского статуса в обход существующей в рамках профессиональной ассоциации дисциплинарной процедуры. Это положение не учитывает специальных гарантий защиты адвокатской деятельности, включая конфиденциальность, оценку профессионального поведения адвокатов только независимым органом и соблюдение справедливой процедуры при привлечении адвоката к ответственности. Применение этого Положения в отношении автора противоречит принципу независимости адвоката, лежащему в основе права на защиту и на получение юридической помощи.

3.12 Автор утверждает, что вышеупомянутые соображения свидетельствуют о нарушении его прав по пункту 2 статьи 19 и пунктам 1–2 и 3 а)–b) и d) статьи 14 Пакта. Он просит государство-участник предоставить ему эффективное средство правовой защиты, включая восстановление его права на осуществление адвокатской деятельности и выплату надлежащей компенсации, а также принять меры по недопущению подобных нарушений в будущем, в том числе путем приведения закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» в соответствие с Пактом и международными стандартами независимости адвокатов.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 23 января 2017 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Государство-участник подчеркивает, что 14 февраля 2011 года Министерство юстиции приняло решение прекратить действие лицензии адвоката автора за «препятствование лицензирующему органу в проведении мероприятий по контролю за соблюдением лицензиатом законодательства, предоставляя недостоверные сведения по

установленным фактам грубых нарушений порядка оформления соглашений на оказание юридической помощи и получения гонорара».

4.2 Автор обжаловал это решение, и 26 апреля 2011 года суд Московского района города Минска отклонил его жалобу. Законность этого решения в дальнейшем рассматривалась Минским городским судом. В постановлении от 28 ноября 2011 года Минский городской суд отклонил апелляцию автора и оставил в силе первоначальное решение суда Московского района.

4.3 Согласно статьям 436 и 437 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, решения, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены в порядке надзора. Согласно статье 439 Кодекса, протесты в порядке надзора вправе приносить Председатель Верховного Суда Республики Беларусь, заместители Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральный прокурор Республики Беларусь, заместители Генерального прокурора Республики Беларусь, председатели областного, Минского городского судов. После того, как решение суда Московского района города Минска вступило в законную силу, автор мог оспорить его по процедуре пересмотра в порядке надзора, но не сделал этого. Автор также не стал обращаться в прокуратуру с ходатайством о возбуждении надзорного производства. Таким образом, автор не исчерпал доступные внутренние средства правовой защиты, и его сообщение должно быть признано неприемлемым.

4.4 Государство-участник отмечает утверждение автора, что фактически решение Министерства юстиции равносильно наказанию за заявление, которое он сделал публично в интересах своего клиента, и что поэтому действия Министерства можно рассматривать как ограничение права автора на свободу выражения мнений в нарушение статьи 19 Пакта. Государство-участник отмечает, что выводы о преследовании автора со стороны лицензирующего органа представляют собой личное мнение автора, носят спекулятивный характер и не могут быть объективно проверены.

4.5 Кроме того, закрепленное в законе Республики Беларусь «Об адвокатуре» обязательство соблюдать Правила профессиональной этики не может рассматриваться как ограничение пункта 3 статьи 19 Пакта. Таким образом, права автора по Пакту не были нарушены.

Комментарии автора относительно замечаний государства-участника

5.1 Автор представил свои комментарии относительно замечаний государства-участника в письме от 12 апреля 2017 года. Во-первых, он отмечает, что апелляции в рамках процедуры надзорного производства не являются эффективным внутренним средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Он поясняет, что надзорная жалоба не влечет за собой повторного рассмотрения дела. Сначала заявитель обращается к должностному лицу (председателю суда или прокурору) с ходатайством о протесте в порядке надзора. Само по себе это обращение не является возбуждением процедуры, это лишь просьба, обращенная к должностному лицу с целью изучения возможности возбуждения процедуры. Процедура возбуждается только тогда, когда председатель суда или прокурор приносит протест в порядке надзора. Протесты в порядке надзора рассматриваются коллегиальным органом — Президиумом суда. Кроме того, ходатайства о пересмотре в порядке надзора рассматриваются должностными лицами в одностороннем порядке, а не на открытом заседании.

5.2 Согласно пункту 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет не может рассматривать сообщение, если внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. Однако, согласно постоянной практике Комитета, это касается только тех средств правовой защиты, которые имеются в наличии и доступны. Комитет пришел к выводу, что надзорное производство, направленное на оспаривание решений, вступивших в законную силу, в порядке осуществления дискреционных полномочий должностного лица, строго ограничено вопросами права. Соответственно, Комитет считает, что надзорное производство не является эффективным средством правовой защиты для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

5.3 Кроме того, автор оспаривает замечание государства-участника относительно отсутствия нарушения его прав по пункту 2 статьи 19 Пакта. Вследствие решения Квалификационной комиссии от 14 февраля 2011 года автор лишился лицензии адвоката, в том числе за повторное нарушение Положения о лицензировании. В качестве первого нарушения власти сослались на предписание Министерства юстиции от 5 января 2011 года, согласно которому он в некорректной форме отзывался об организации работы СИЗО КГБ. Министерство юстиции посчитало, что его высказывания выходят за пределы, определенные целями закона Республики Беларусь «Об адвокатуре», и противоречат Правилам профессиональной этики адвоката. В соответствии с пунктом 75 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности Министерство юстиции предписало автору предпринять меры по недопущению фактов искажения информации, предоставляемой средствами массовой информации. Автора предупредили о том, что в соответствии с пунктом 76 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности в случае невыполнения предписания действие его лицензии будет прекращено. Автор считает, что осуществление его права на свободу выражения мнений в интересах своего клиента в интервью euroadio.by было оценено Министерством юстиции как некорректная форма представления работы СИЗО КГБ.

5.4 В ответ на это предписание 13 января 2011 года автор направил письмо в Министерство юстиции, в котором он подчеркнул, что при выполнении своих профессиональных обязанностей он пользуется правом на свободу выражения мнений в устной и письменной форме в пределах, установленных целью закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» и Правилами профессиональной этики адвоката. Однако, несмотря на это, вышеупомянутое интервью стало одной из причин прекращения действия адвокатской лицензии автора.

5.5 Автор вновь заявляет, что анализ его заявления не выявил нарушений закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» и Правил профессиональной этики адвоката. Заявление было сделано в корректной форме и не выходило за рамки допустимой критики в адрес государственных органов, отвечающих за обеспечение содержания задержанных в надлежащих условиях. Само по себе это заявление даже не является критикой и не выходит за рамки обычных профессиональных обязанностей адвоката, консультирующего и предоставляющего информацию о порядке выдачи передач задержанным. Заявление привлекло внимание в силу очевидного общественного интереса к вопросу соблюдения прав задержанных, включая клиента автора, экс-кандидата в президенты, который был арестован по окончании выборов. Таким образом, это заявление скорее представляло собой добросовестный комментарий по вопросу, представляющему общественный интерес, и подлежало публичному обсуждению.

5.6 Министерство юстиции отреагировало на заявление автора, размещенное на веб-сайте euroadio.by, вынесением предписания, невыполнение которого влекло за собой санкции, т. е. лишение автора лицензии на осуществление адвокатской деятельности. Таким образом, в результате принятия вышеупомянутых санкций за публичное заявление средствами массовой информации было нарушено право автора на свободу выражения мнений.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Согласно правилу 97 своих правил процедуры, прежде чем рассматривать содержащиеся в сообщении жалобы, Комитет должен установить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

6.2 Согласно требованиям пункта 2 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает приемлемость сообщения на том основании, что автор не обращался с ходатайством о возбуждении

надзорного производства в Верховный суд или в Генеральную прокуратуру. Комитет напоминает, во-первых, что обжалование решений, вступивших в законную силу, в порядке осуществления дискреционных полномочий прокуратуры, не является средством правовой защиты для целей пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола. Что касается аналогичной апелляции в Верховный суд, то Комитет напоминает, что она представляет собой чрезвычайную апелляцию, которая зависит от дискреционных полномочий судьи². Именно поэтому государство-участник должно показать, что такая апелляция была бы эффективной в данном случае. Ввиду того, что государство-участник не предоставило такой информации, Комитет полагает, что требования пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению им данного сообщения.

6.4 Что касается утверждений автора по пунктам 2)–3) статьи 14 Пакта, то Комитет напоминает, что гарантии, предусмотренные этими положениями, применяются в контексте рассмотрения уголовных обвинений. В данном деле автор обвинялся в нарушении законодательства, регулирующего деятельность адвокатов, и в нарушении правил профессиональной этики адвоката, но формально не подвергался уголовному преследованию и не был официально обвинен в совершении преступления. С учетом этих обстоятельств Комитет приходит к выводу, что эта часть сообщения неприемлема согласно статье 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет считает, что автор в достаточной степени обосновал для целей приемлемости остальные утверждения по пункту 1 статьи 14 и пункту 2 статьи 19 Пакта. Он объявляет их приемлемыми и переходит к рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

7.2 Комитет принимает к сведению жалобу автора на нарушение пункта 1 статьи 14 Пакта. Автор утверждает, что гарантии по пункту 1 статьи 14 Пакта применяются к разбирательствам, связанным с прекращением действия лицензии адвоката, поскольку это положение охватывает лишение права на защиту, которое в свою очередь является частным по своей природе и основанным на частном договоре о правовой помощи с представляемым лицом³.

7.3 По мнению автора, санкция, которой он был подвергнут, не является в чистом виде дисциплинарной санкцией, поскольку она применена государственным, а не дисциплинарным органом Минской городской коллегии адвокатов. Кроме того, согласно Положению о лицензировании, лишение лицензии применяется по одним и тем же основаниям в отношении обладателей любого вида лицензии, т. е. нормы о лишении лицензии носят общий характер. Автор утверждает также, что прекращение действия его лицензии равносильно лишению права на осуществление его профессиональной деятельности. Другими словами, это чрезвычайно строгая мера, соотносимая с установленной статьей 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь мерой наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Указанное позволяет говорить о применимости в данном деле статьи 14 Пакта.

7.4 Комитет напоминает⁴, что концепция определения прав и обязанностей «в каком-либо гражданском процессе» является сложной. Она по-разному формулируется в текстах Пакта на различных языках, которые, согласно его статье 53, считаются равно аутентичными, и подготовительные материалы не разрешают проблемы расхождений в текстах на разных языках. Комитет отмечает, что в основе концепции «гражданского процесса» или его эквивалентов в текстах на других языках лежит, скорее, природа данного права, а не статус одной из сторон или конкретного форума, предоставляемого внутренними правовыми системами для определения

² См., например, *Александров против Беларуси* (CCPR/C/111/D/1933/2010), п. 6.3.

³ См. решения Европейского суда по правам человека по делам *H. v. Belgium* (30 November 1987) и *Buzescu v. Romania* (24 May 2005).

⁴ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 16.

конкретных прав⁵. Эта концепция охватывает: а) судебные процедуры, призванные определять права и обязанности, имеющие отношение к областям договоров, имущества и гражданских правонарушений в области гражданского права; и б) эквивалентные понятия в области административного права, такие как увольнение государственных служащих по причинам иным, нежели дисциплинарные, определение пособий по системе социального страхования или пенсионные права военнослужащих, или процедуры, касающиеся использования государственных земель или изъятия частной собственности. Наряду с этим она может охватывать другие процедуры, которые должны, однако, оцениваться в зависимости от каждого конкретного случая в свете природы данного права⁶. Комитет считает, что в данном случае применим третий сценарий, и полагает, что разбирательство, связанное с прекращением действия адвокатской лицензии автора, подпадает под понятие «гражданский процесс», поскольку оно связано с определением гражданских прав и обязанностей.

7.5 Комитет отмечает, что в отношении процедуры, которой воспользовалось Министерство юстиции, автор заявил, что он не был уведомлен о проводимой проверке его работы в качестве адвоката, и ему не сообщили, что его дело рассматривает Квалификационная комиссия, и поэтому он не знал о разбирательстве в его отношении и о том, как построить свою защиту. Автор утверждает, что существовали и другие возможности, например дисциплинарная процедура в Минской городской коллегии адвокатов, которая могла быть задействована в данном случае, но к ней не прибегли. Кроме того, основания для создания Квалификационной комиссии Комитетом государственной безопасности по-прежнему держатся в тайне. В этом контексте из юридической консультации автора был изъят ряд документов, относящихся к его профессиональной деятельности, таких как договоры с клиентами, журнал учета этих договоров и лицевые счета — ежемесячные отчеты перед Минской городской коллегией адвокатов по конкретным делам и размеру отработанного гонорара, которые впоследствии были использованы в разбирательстве против него. Кроме того, автор узнал от руководителя Минской городской коллегии адвокатов о том, что действие его лицензии будет прекращено, только 14 февраля 2011 года, незадолго до того, как Министерство юстиции официально уведомило его о прекращении действия его лицензии 16 февраля 2011 года.

7.6 Комитет отмечает утверждения автора о том, что оценка его профессиональной деятельности и решение о прекращении действия его адвокатской лицензии были проведены исполнительным органом в обход компетентного регулирующего органа. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что ему не позволили дать какие-либо объяснения в свою защиту и быть представленным адвокатом. Комитет далее отмечает, что ни одно из этих утверждений не было рассмотрено или опровергнуто государством-участником, и поэтому решает со всей серьезностью отнестись к утверждениям автора.

7.7 Комитет считает, что представленные факты, касающиеся обстоятельств отзыва адвокатской лицензии автора и способа, которым это было сделано, свидетельствуют о грубом и неоправданном вмешательстве властей государства-участника в основополагающий принцип независимости юристов⁷.

7.8 Кроме того, Комитет считает, что сама серьезность санкции в рассматриваемом разбирательстве, которое привело к отзыву лицензии автора на осуществление адвокатской деятельности, требовала неукоснительного соблюдения и уважения всех гарантий надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что он не был уведомлен о возбужденном против него разбирательстве, не имел возможности оспорить выдвинутые обвинения и не мог быть юридически представлен. Более того, само разбирательство производилось органом, состоящим из работников

⁵ Там же. См. также, например, Комитет по правам человека, *И.Л. против Канады*, сообщение № 112/1981.

⁶ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 16.

⁷ См. Основные принципы, касающиеся роли юристов.

исполнительных органов, в обход компетентного регулирующего органа. Комитет считает, что такие процедуры были явно произвольными, предвзятыми и нарушающими принцип независимости юристов, и тем самым несовместимыми с основными гарантиями, изложенными в пункте 1 статьи 14 Пакта, которые требуют справедливого разбирательства дела обвиняемых компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

7.9 В свете вышеизложенных соображений Комитет считает, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в пункте 1 статьи 14 Пакта.

7.10 Автор далее утверждает, что, применив к нему санкции в виде аннулирования его адвокатской лицензии, государство-участник неоправданно ограничило и нарушило его право на свободу выражения мнений, защищаемое пунктом 2 статьи 19 Пакта. Государство-участник отрицает нарушение прав автора в соответствии с Пактом. Государство-участник подчеркивает, что выводы о преследовании автора со стороны лицензирующего органа представляют собой лишь его личное мнение, являются спекулятивными и не могут быть объективно подтверждены. Кроме того, государство-участник утверждает, что предусмотренное законом обязательство адвокатов соблюдать правила профессиональной этики не может рассматриваться как ограничение прав, гарантируемых пунктом 3 статьи 19 Пакта.

7.11 Ссылаясь на пункт 13 своего замечания общего порядка № 34 (2011), Комитет напоминает, что свобода выражения мнений предполагает свободу прессы и других средств информации, которые могли бы комментировать государственные вопросы без контроля или ограничений и информировать о них общественность, и что широкая общественность в свою очередь имеет право получать продукт деятельности средств информации. Комитет отмечает, что адвокаты, как и другие граждане, имеют право на свободу выражения мнений. В частности, адвокаты имеют право принимать участие в публичном обсуждении вопросов, касающихся права, отправления правосудия и поощрения и защиты прав человека⁸.

7.12 Комитет отмечает, что автор подвергся санкциям в виде лишения лицензии на занятие юридической практикой, в частности за то, что он сделал публичное заявление в средствах массовой информации относительно прав задержанных на получение посылок. Среди этих задержанных был клиент автора, бывший кандидат в президенты, который был арестован по окончании выборов и содержался в следственном изоляторе Комитета государственной безопасности. Комитет считает, что сам факт, что автор подвергся санкциям за общение со средствами массовой информации, равносителен ограничению его права на свободу выражения мнений.

7.13 Таким образом, Комитет должен установить, было ли ограничение права автора, закрепленного в пункте 2 статьи 19, допустимым по одному из оснований, перечисленных в пункте 3 статьи 19 Пакта. В этой связи Комитет напоминает, что право, защищаемое пунктом 2 статьи 19, не является абсолютным и может быть подвергнуто определенным ограничениям. Однако любые ограничения должны быть предусмотрены законом и налагаться только по одному из оснований, изложенных в пункте 3 статьи 19, а именно если они необходимы для защиты прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Комитет напоминает также, что государство-участник должно предоставлять правовое обоснование любого установленного ограничения на осуществление права свободного выражения мнений⁹.

7.14 В данном случае Комитет отмечает, что тот факт, что автор подвергся суровому наказанию, в частности за то, что сделал публичное заявление для средств массовой информации, не оспаривается. Комитет отмечает также, что ни государство-участник в контексте настоящего сообщения, ни национальные органы, рассматривавшие этот вопрос, включая суды, не представили никакого объяснения, имеющего отношение к обоснованию ограничения прав автора по пункту 2 статьи 19 для целей пункта 3

⁸ Там же.

⁹ См. *Корнеев против Беларуси* (CCPR/C/95/D/1553/2007).

статьи 19 Пакта. В отсутствие какого-либо обоснования Комитет считает, что право автора на свободу выражения мнений, защищаемое пунктом 2 статьи 19 Пакта, было необоснованно ограничено и нарушено.

8. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 14 и пункта 2 статьи 19 Пакта.

9. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Оно обязано предоставить полное возмещение лицам, чьи права по Пакту были нарушены. Таким образом, государство-участник обязано, среди прочего, предпринять надлежащие шаги для предоставления автору соответствующей компенсации, в том числе любых судебных издержек, понесенных автором, и обеспечить восстановление его лицензии адвоката. Государство-участник обязано также принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем. В этой связи Комитет считает, что в соответствии со своими обязательствами по пункту 2 статьи 2 Пакта государство-участник должно пересмотреть свое законодательство и практику, которые были применены в данном деле, для обеспечения того, чтобы в государстве-участнике можно было в полном объеме пользоваться правами, предусмотренными статьей 19 Пакта¹⁰.

10. Памятуя о том, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие нарушений Пакта и что, согласно статье 2 Пакта, государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и обеспечить эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае установления нарушения, Комитет желает получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений. Государству-участнику предлагается также обнародовать и широко распространить их на своих официальных языках.

¹⁰ См., например, *Секерко против Беларуси* (CCPR/C/109/D/1851/2008), п. 11; *Турченяк и др. против Беларуси* (CCPR/C/108/D/1948/2010 и Corr.1), п. 9; и *Говша и др. против Беларуси* (CCPR/C/105/D/1790/2008), п. 11.

Приложение

Особое мнение члена Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша (частично несогласное)

1. Я согласен с выводом, к которому пришел Комитет в своих Соображениях по сообщению № 2862/2016 о том, что государство-участник нарушило права автора по пункту 3 статьи 19 Пакта. Однако у меня есть сомнения относительно того, что нарушение прав автора ограничивается пунктом 1 статьи 14 Пакта и не распространяется на другие гарантии справедливого судебного разбирательства.

2. В этой связи я отмечаю, что автор утверждает о нарушении его прав не только по пункту 1 статьи 14, но и по пунктам 2 и 3 статьи 14 Пакта. Комитет, однако, не принял утверждения автора по этим последним двум пунктам, посчитав, что гарантии, предусмотренные этими положениями, применяются исключительно в контексте рассмотрения уголовных обвинений (пункт 6.4)¹. В данном случае, по мнению Комитета, разбирательство, связанное с аннулированием адвокатской лицензии автора, скорее охватывается концепцией прав и обязанностей «в гражданском процессе», поскольку оно связано с определением гражданских прав и обязанностей (пункт 7.4). Мне понятна эта логика, но я склоняюсь к другому выводу.

3. Возможная связь автора со своими клиентами является лишь косвенным следствием нарушений, которым он подвергся. Главным вопросом в этом деле действительно является прямое нарушение права автора действовать в качестве адвоката без неоправданного вмешательства со стороны любой ветви власти, в первую очередь исполнительной.

4. Автор был подвергнут самой серьезной санкции, с которой может столкнуться практикующий юрист, другими словами, лишению лицензии, что в конечном итоге не позволяет ему продолжать заниматься своей профессией. Этот вид санкции обычно применяется в рамках уголовного разбирательства и при наличии различных серьезных обвинений. Согласно внутреннему законодательству государства-участника, санкции на адвоката налагаются соответствующим регулирующим органом, которым в данном случае является Президиум Минской городской коллегии адвокатов, уполномоченный рассматривать дисциплинарные вопросы (согласно статье 21 закона Республики Беларусь «Об адвокатуре» и постановлению Министерства юстиции Республики Беларусь от 10 марта 2009 года № 23 «О некоторых вопросах применения к адвокатам мер дисциплинарной ответственности»). Согласно этим положениям, обвинения против адвоката рассматриваются независимым органом с соблюдением процессуальных гарантий справедливости, включая участие адвокатов в разбирательстве (пункты 3.7–3.8). Вместо этого дело автора рассматривалось Квалификационной комиссией Министерства юстиции под руководством заместителя Министра юстиции, которая не является независимым органом и большинство членов которой являются сотрудниками органов исполнительной власти. Основные требования справедливого судебного разбирательства в суде не были соблюдены (пункт 3.9).

5. Поэтому автор не был подвергнут дисциплинарному разбирательству со стороны компетентного органа согласно соответствующим внутренним положениям о юристах. Он также не был подвергнут уголовному преследованию, что не позволило ему воспользоваться своим основным правом на защиту, закрепленным в пунктах 2–3 статьи 14 Пакта. Одобряя формальное понятие уголовного обвинения, которого в данном случае и именно по этой причине тщательно избегало Министерство юстиции, Комитет тем самым соглашается оправдать подобное поведение государства-

¹ Если не указано иное, номера пунктов в скобках относятся к Соображениям, к которым прилагается настоящее особое мнение.

участника и соответственно ослабляет позиции жертв и снижает порог соблюдения их прав и свобод.

6. Комитет последовательно признавал, что, хотя требования пункта 1 статьи 14 Пакта обычно применяются к уголовным делам и гражданским процессам, это понятие может также распространяться на деяния, являющиеся уголовными по своему характеру, предполагающие санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости². В пункте 15 своего замечания общего порядка № 32 (2007) Комитет заявил следующее:

Право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, гарантируется, согласно второму предложению пункта 1 статьи 14, при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого лицам, или при определении их прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе. В принципе уголовные обвинения предъявляются в случае деяний, признанных наказуемыми по внутреннему уголовному праву. Это понятие может также распространяться на деяния, являющиеся уголовными по своему характеру, предполагающие санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учетом их цели, характера или строгости.

7. Именно это и произошло в рассматриваемом деле, где санкция была применена с максимальной суровостью по довольно пустяковой причине, вне какого-либо официального уголовного разбирательства, а также вне самой судебной системы, что не позволило автору воспользоваться самым основополагающим правом на защиту. Принимая во внимание цель наказания, как сдерживающую, так и карательную, эта санкция должна рассматриваться как уголовная по своей природе, и она фактически аналогична санкции, предусмотренной статьей 51 Уголовного кодекса Республики Беларусь в отношении лишения права заниматься определенной деятельностью (пункт 7.3). Кроме того, случай автора, к сожалению, представляется не изолированным, а свидетельствует о тревожной линии поведения государства-участника в отношении адвокатов (пункты 2.4 и 2.11).

8. В прошлом Комитет приходил к выводу — в случаях, когда задержание было назначено в рамках административного разбирательства за административное правонарушение, — что некоторые режимы содержания под стражей, приводящие к заключению, обходят строгий контроль, установленный уголовно-процессуальными нормами. В рассматриваемом случае государство-участник, по-видимому, руководствовалось теми же соображениями. Однако в данном случае судебного разбирательства не проводилось, а вместо этого политическим органом была вынесена произвольная санкция, наложенная на автора вне какого-либо формального разбирательства, будь то административное или уголовное.

9. Поэтому я сделал бы вывод, что государство-участник нарушило пункты 1, 2 и 3 статьи 14 Пакта. Такой вывод сохранил бы для автора все права на защиту, предусмотренные уголовными процедурами.

---

² См., например, *Пертерер против Австрии* (CCPR/C/81/D/1015/2001), п. 9.2.